

Слепухин Юрий Григорьевич

СТУПИ ЗА ОГРАДУ

Роман

**Санкт-Петербург
1980**

ЧАСТЬ I

Одиночество

Звонок залился так оглушительно громко, что мог перебудить спящих всего квартала. Впрочем, многие ли спали в эту ночь? Улица, мокро блестящая булыжниками в желтых пятнах света под раскачиваемыми ветром фонарями, была безлюдной, и безлюдность — он не мог избавиться от этого ощущения — была какой-то затаившейся. Те, кого не было сейчас на обмытых дождем тротуарах, не просто отдыхали в своих домах — они прятались, ждали и прислушивались.

— Кто там? — спросил за дверью настороженный женский голос.

Пико еще раз оглянулся — на улице не было никого — и приблизил лицо к дверной решетке.

— Прошу прощения, сеньора, мне нужен доктор Ларральде, — сказал он внятно, стараясь не повышать голоса. — По очень важному делу...

— Моего сына еще нет, — помедлив, отозвалась женщина из-за двери. — А кто его спрашивает?

— Ретондаро, — сказал он еще тише, снова оглядываясь. — Пико Ретондаро, к вашим услугам, сеньора. Мы с Хилем друзья. Когда он может вернуться? Мне совершенно необходимо...

Дверь отворилась, и женский голос из темноты пригласил его войти. Потом дверь захлопнулась за его спиной.

— Сейчас включу свет, — сказала сеньора Ларральде, продолжая возиться с запорами. — Я до сих пор не могу опомниться... Какой день, сеньор Ретондаро, какой день! Все эти бедные люди, которые ничего не ожидали, а были, говорят, и с детьми...

Щелкнул выключатель. Пико увидел себя в обществе пожилой женщины с испуганным выражением лица.

— Очень рад, сеньора. — Он поклонился. — Как поживаете?

— Проходите, сеньор. — Донья Мария открыла дверь в гостиную. — Я дам вам кофе, вы совсем промокли. Сын должен вот-вот вернуться. С этими событиями — вы сами понимаете — воображаю, что делается там, в госпитале! Иисус-Мария, какой ужасный день...

Донья Мария повторила приглашение сесть и чувствовать себя как дома и вышла. Пико, держа руки в карманах плаща, обвел взглядом маленькую, старомодно обставленную гостиную. Семейные фотографии, маленькая статуэтка Луханской мадонны, какие-то сувениры из ракушек. Большая цифра 16 на отрывном календаре. Он шагнул к календарю, сорвал листок и долго смотрел на него, словно пытаясь разобрать иероглифы. 1955, 16 июня, четверг. День поминовения святого Иоанна-Франциска Р. Что означает это «Р.»? Римлянин? Был разве такой святой — Иоанн-Франциск Римлянин? Возможно, был. Возможно, не был. Какое это теперь имеет значение?

Он сложил листок пополам, потом вчетверо и зачем-то спрятал его во внутренний карман. Какой адский холод в этой комнате, здесь, очевидно, никогда не топят. Черт, он весь промок. Сколько прошло часов? Сейчас уже полночь, а началось это около полудня...

Точнее — около полудня началось в городе. Для них все это началось еще сутки назад. На рассвете они — штурмовая группа, обозначенная в диспозиции под кодовым именем «Хота», — уже шестой час томились в прокуренных комнатах чьей-то пустой квартиры в Палермо, ожидая условного сигнала по телефону. Задача, стоявшая перед ними, заключалась — если вспомнить слово в слово текст диспозиции — в «содействии захвату казарм

Первого моторизованного полка Мальдонадо». Кто, собственно, должен был захватывать Мальдонадо, кому они должны были в этом содействовать — они не знали. По крайней мере, лично он не знал. Плохо представлял он и то, каким образом тридцать человек с пятью «томпсонами» могли содействовать захвату одной из самых крупных казарм столицы. Пистолеты-то у них были, еще бы. У кого из студентов в наши дни нет пистолета! Но автоматов было всего пять. Конечно, может быть, те, кому они собирались содействовать, были вооружены лучше...

— Чашечку кофе, молодой человек? — Донья Мария поставила на стол сахарницу и кофейник. — Что же вы не садитесь? И плащ лучше сняли бы, — он у вас весь мокрый... Впрочем, здесь холодно...

Она говорила что-то еще, Пико ее не слышал. Присев к столу, он выпил кофе почти залпом, не размешав сахар; хозяйка немедленно налила ему еще.

— Вы бесконечно любезны, сеньора, — пробормотал он сквозь сжатые зубы, чувствуя, что его начинает колотить озноб. — Но вы должны знать, что я замешан в сегодняшних событиях. Может быть, мне лучше выйти и подождать Хиля на углу квартала...

— Еще чего, в такую погоду! — возразила донья Мария. — Вы думаете, мой сын никогда не был замешан в событиях? Извините, я вас оставлю, — ужин еще не готов...

Донья Мария вышла. Пико сидел, нахохлившись в своем мокром плаще, и грел руки о кофейник. Потом он налил себе еще чашку и выпил так же, залпом. Напоминание об ужине вызвало у него голодную спазму в желудке. Впрочем, он где-то что-то съел. Несколько часов назад. Прежде всего нужно восстановить в памяти — как, в какой последовательности все это случилось.

Утром они были там, в Палермо, — вся «группа Хота». Сидели и ждали сигнала, чтобы идти брать это проклятое Мальдонадо. Но сигнал так и не был получен, вместо этого около одиннадцати им позвонили и сказали, что весь список «Хоты» попал в руки полиции, что план меняется соответственно этому и все тридцать человек должны немедленно исчезнуть. Не только из района Палермо, не только из Буэнос-Айреса — предпочтительно вообще из Аргентины. На хорошем кастильском языке это означало: «Спасайся кто может».

Они вышли втроем — он, Эрнандо и маленький Кёрман с инженерного факультета. Разобранный автомат Эрнандо рассовал по специально приспособленным для этого карманам под плащом, а магазины отдал им. Два унес Керман, а два остались у него. Он хорошо понимал, что если его арестуют сейчас, пока у него еще нет фальшивого удостоверения личности, то судьбу его решат не эти два магазина, а имя и фамилия, фигурирующие в захваченном полицией списке штурмовой группы. К тому же, кроме магазинов в кармане лежал пистолет. Подумаешь, одной уликой больше или меньше!

Он добрел пешком до Пласа Италиа. На улицах было спокойно, жизнь шла своим обычным чередом. Только в баре, зайдя выпить кофе, он вдруг сообразил, что произошло что-то очень важное с самим планом восстания и дело вовсе не в захваченном списке. Его привыкший к логике ум юриста не мог согласиться с тем, что атака на Мальдонадо отменена только потому, что полиции стали известны фамилии некоторых из тех, кто должен был в этой атаке участвовать. А распоряжение «исчезнуть из Буэнос-Айреса и предпочтительно из Аргентины» — к чему оно? Значит ли это, что руководство восстанием уже заранее, еще ничего не начав, предвидит провал? Или восстание вообще отменено? Но ведь им же сказали, что речь идет лишь о частичном изменении плана. Если заговорщикам все же предстоит

действовать, то в силу какой логики они перед этим распыляют свои силы и лишаются определенной их части?

Он хорошо помнит, что думал обо всем этом, сидя в открытом на площадь баре против памятника Гарибальди, а проклятые магазины упирались ему под ребра и оттягивали карманы — два тяжелых прямоугольных бруска, отштампованные из черной вороненой стали, теплые и какие-то скользкие на ощупь. А потом вокруг него стало очень тихо, и он услышал вдруг, как кто-то срывающимся голосом рассказывает, что полчаса назад самолеты морской авиации атаковали правительственный квартал, сбросив бомбы на Розовый дом и военное министерство. Началась паника, люди повалили к выходу. Кто-то кричал, что метро и троллейбусы уже стали, а автобусы будут пока ходить по кольцевым маршрутам, минуя центр. Он продолжал сидеть в почти опустевшем помещении, охваченный внезапной и отвратительной слабостью, и с каждой секундой картина всего происшедшего становилась ему все более беспощадно ясной...

— Ну, вот вы и дождались,— сказала донья Мария, заглянув в комнату. — Хиль приехал, кто-то подвез его на машине. Сейчас будете ужинать.

Он поднялся из-за стола и отошел к окну, оттягивая кулаками карманы плаща. Совершенно отчетливо ему вдруг вспомнился характерный звук набитого патронами магазина, падающего на кафельный пол. Он выбросил их в уборной, там же, в баре на Пласа Италия. Такой тяжелый дребезжащий удар, резкий и вместе с тем глухой, короткий и совершенно без резонанса. Он их выбросил потому, что уже там, в опустевшем баре, еще не побывав на Пласа-де-Майо и не увидев всего своими глазами, он уже все понял, и понял, что для него «революция» уже окончена...

Дверь распахнулась. Хиль Ларральде, небритый, отчего его ястребиное лицо казалось еще более худым, в пальто и криво нахлобученной шляпе, заглянул в гостиную.

— А, — сказал он, увидев гостя, — Ликург пожаловал? Привет. Я сейчас помоюсь, минутку.

Донья Мария накрыла на стол, Вернулся Хиль.

— А ты? — спросил он у матери, увидев два прибора.

— Я давно поужинала,— ответила та,— ты же знаешь, мне запрещено есть на ночь...

Поставив на стол сифон и початую бутылку дешевого «тинто», она пожелала приятелям доброго аппетита и вышла.

— Давай поедим сначала,— сказал Хиль хмуро, придвигая свою тарелку.— Я еще ничего не ел... Сестры там раздобыли пару бутербродов. Устал, как мул. Ешь, после поговорим. Или ты куда торопишься?

— Нет,— ответил Пико и машинально посмотрел на часы.

Они покончили с ужином молча и очень быстро. Хиль собрал тарелки, кости, пустую бутылку, унес все это на кухню и вернулся с уже знакомым Пико кофейником.

— Ну, рассказывай,— пригласил он, разлив кофе. — Ты что, тоже влип?

— Да,— сказал Пико. — Понимаешь... Список группы, в которую я входил, попал в руки полиции. А мы должны были выступить сегодня утром. Да, и вдобавок после обеда полиция заняла все наши явки... насколько мне удалось узнать.

— Фальшивки у вас есть у всех? — угрюмо спросил Хиль.

— Ни у кого их нет. Этот вариант не был предусмотрен.

— А что было предусмотрено? Устроить бойню в центре столицы, накрошить человечины — и потом что? С комфортом переселиться в Уругвай? Что же ты молчишь? Ты всегда обвинял меня в политическом дилетантстве. Ладно, мы играли в политику. Но мы не убивали детей!!

После выкрика Хиля в комнате стало очень тихо. Слышно было, как за окном, в вымощенном плитками патио, равномерно журчат стекающие с крыши дождевые струйки. Пико отодвинул нетронутую чашку.

— Давай договоримся,— сказал он, сдерживая голос.— Или ты веришь мне на слово, потому что никаких доказательств у меня сейчас нет, или я лучше уйду!

— Куда ты к черту собираешься уйти без фальшивки? Говори, раз пришел. Хотя я заранее могу сказать, что ты будешь говорить. Вы, невинные голуби, ничего не знали, не правда ли?

— Да, мы ничего не знали. Мы — я, по крайней мере, говорю о своих друзьях,— мы вошли в гражданское крыло заговора, будучи уверены, что наши руководители обо всем осведомлены и будут держать нас в курсе. А военных мы вообще не знали. Нам были только известны имена некоторых высших офицеров флота — Кальдерон, Оливьери и еще двое-трое. А в результате получилась гнусная история...

Он вытащил из кармана плаща смятую пачку, расковырял ее — сигареты были сырыми. Хиль молча протянул ему свои.

— Я понял все, когда услышал о бомбардировке,— продолжал Пико, не сразу раскурив сигарету. — Эти проклятые миликос¹ просто решили в последний момент устранить нас из игры... и действовать своими обычными методами. Я еще не совсем уверен, что наши имена попали в полицию без их содействия...

— А они действительно там?

Пико помолчал.

— По крайней мере, за мной уже приезжали,— сказал он, усмехнувшись одной стороной лица. — Я побывал у своей невесты... Ты ее, кажется, знаешь... Лусиа Ван-Ситтер. Она съездила к нам и разговаривала с прислугой. Приезжали около пяти вечера — спрашивали, где я и что я. Ну ладно, это несущественно...

— Существенно здесь то, что вы все — ты и все твои р-р-революционно настроенные сеньоритос,— все вы оказались сопляками. Ясно? Самые настоящие безмозглые сопляки — вот кто вы такие, и я рад, что вам хоть таким образом немного прочистили мозги. Ты мне хвастал когда-то, что близок со стариком Альварадо — помнишь? Еще расхваливал его до небес: «Гордость аргентинской науки, настоящий классический ум»,— ты уже не знал, какими еще эпитетами его обвешать. А когда старик порвал с вашей бандой—тебе, что же, этот факт ни на что не раскрыл глаза? Или ты тогда решил, что ум у дона Бернарда не такой уж классический, а вот ум вице-адмирала Кальдерона действительно...

— Пошел ты к черту, Ларральде! — крикнул Пико. — Я тебе уже сказал, что в таком тоне нам разговаривать нет смысла! Легче всего указывать на чужие ошибки, когда сам ничего не делаешь...

— Я-то как раз делаю! Я сегодня всю вторую половину дня только тем и занимался, черт бы вас драл, что чинил и штопал последствия ваших невинных ошибок! Тебе известно, что одна из первых бомб — на углу Пасео Колон и Альсина, прямо перед министерством,— разорвалась в пяти метрах от переполненного троллейбуса? Я это знаю, потому что некоторых пассажиров потом привезли к нам... Тех, у кого осталось что к чему пришивать. Остальных сгребали лопатой. Понял, революционер?

Пико снял очки, вытащил из кармана плаща скомканный платок — мокрый, в прилипшем табачном мусоре — и стал бесцельно тереть стекла.

¹ *Milicos (исп.)* — пренебрежительная кличка военных в Аргентине.